

графия этих мероприятий очень широка: от Санкт-Петербурга до Владивостока. В рамках конференций устраиваются круглые столы, посвященные буддийскому искусству, вопросам образования, переводам буддийских источников и другие.

Постепенно набирает обороты культурная деятельность Ассоциации. В частности, с 2004 года по разным городам страны путешествует интерактивная выставка «Сокровище Гималаев». На ней представлены более 300 подлинных произведений искусства – скульптурных и живописных изображений Будд, а также предметы быта и культа разных стран гималайского региона: фигуры и маски из глины, дерева и гипса, тибетская свитковая живопись (тханки), музыкальные инструменты, вышивка, резьба по дереву, чеканка, этнические украшения и многие другие объекты, созданные в монастырях Индии, Непала, Тибета, Бутана, Монголии, Калмыкии и Бурятии. Таким образом, принимая облик, привычный для европейской культурной среды, буддизм Карма Кагью стремится, в то же время, сохранить и показать богатую культуру традиционных буддийских регионов.

ТАНАТОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИНДУИСТСКОЙ МИФОЛОГИИ

А. С. Иванова
Москва, Россия

Изучая религиозно-философские представления о смерти в индуистской традиции, основываясь на текстах Вед, Упанишад, эпической и пуранической литературы, можно увидеть, как данный феномен находил свое выражение в конкретных мифологических сюжетах, наполненных различными сопряженными с танатологической проблематикой образами. Содержание мифологического образа божества смерти в индуизме представляет собой сложную систему **аспектов**: религиозно-философских идей и **атрибутов** – визуальных черт и символики, прямо или косвенно ассоциирующихся с религиозными представлениями о моменте наступления смерти, посмертном опыте и загробном мире.

Смерть для представителя ортодоксальной индуистской традиции – это нечто запретное, оскверняющее, грешное, второстепенное, мешающее развитию и спасению, не имеющее четких дефиниций, чаще всего метафорически воспроизводимое понятие.

Несмотря на то, что в брахманизме все, что связано с феноменом смерти является табуированным (в основном, в силу ритуальной нечистоты, которую приносит опыт смерти), в текстах данной традиции присутствуют выразительные образы божеств, связанных со смертью: Яма, Ниррити, Праджапати, Ушас, Мри-тью. Возможно, нехватка необходимого религиозно-философского осмысления смерти как отдельного и самого по себе важного сакрального опыта, привела к тому, что данный феномен, так или иначе требующий должной культурной рефлексии, нашел свое проявление во взаимосвязанной череде мифологических персонификаций смерти, природа которых достаточно четко отражает народное ассоциативное восприятие смерти.

Для изучения танатологических аспектов индийской мифологии мы ориентировались на **методологию** В. Д. О' Флаэрти, представляющую собой своеобразную интерпретацию структурно-функционального метода. Основываясь на утверждении Клода Леви-Стросса о том, что «природа мифа состоит в том, чтобы обеспечить логическую модель, способную преодолеть противоречие»¹, В. Д. О' Флаэрти проанализировала мифы с точки зрения наличия в них бинарных оппозиций и стремилась реализовать антиредукционистский подход в рассмотрении парадоксальной контрастности каждого мифологического образа. Исходя из специфики методологического подхода В. Д. О' Флаэрти, в рамках которого миф — это сложная структура, состоящая из противоречивых элементов, мы стремились выделить составные танатологические аспекты и атрибуты образов мифологических персонификаций смерти и рассмотреть их в порядке генезиса с последующей систематизацией и выводами.

Для божеств индуистского пантеона характерен синтез нескольких функций, определяющих их статус. К примеру, Варуна одновременно являлся богом справедливости и богом мировых вод, Агни – бог жертвенного огня, а также посредник между небом и землей.

Выявление аспектов и атрибутов смерти дает возможность выделить именно танатологическое содержание индуистских мифологических персонификаций, определить степень его кон-

¹ *Леви-Стросс, К.* Структурное изучение мифа. Цит. по: O' Flaherty W. D. *Asceticism and Sexuality in the Mythology of Śiva* / К. Леви-Стросс // *History of Religions*, Vol. 8, No. 4 (May, 1969). P. 301–337.

центрации и основные тенденции их эволюции и кризиса в последующих неортодоксальных традициях шактизма и шиваизма.

Следует отметить, что основные аспекты и атрибуты смерти, указанные в таблице, представляют собой логический инструментарий для работы с конкретными персонификациями.

Аспекты смерти	Примеры атрибутов смерти
Время	Путы и колодки «падбиша», хромота, калека. Кала, Антака
Солярность	Солярное сияние, лунный нектар бессмертия
Жертвоприношение (Самоубийство Убийство)	Голод
Дхарма (рита)/ Адхарма	Аркан, жезл, танец, хаос
Нечистота, категория запретного	Кровь, слизь, грязь, мясо, вино, инцест, маргинальные сообщества, демоны
Инфернальная локализация	Юг, загробные миры, алтарь Ниррити, бездна, дороги, перекрестки
Страх	Ужасная внешность: «Черный рот» и «красные глаза» Ямы ¹ , петля и связывание, страх возмездия, предсмертный страх

Данные аспекты в той или иной степени представлены в каждой персонификации смерти, изучение закономерности и специфики их появления в каждом отдельном божестве даст нам возможность увидеть динамичную «пульсацию» трансформации образов смерти, а также выявить основные принципы развития их признаков, главным образом связанных с феноменом смерти.

Далее мы представим краткую характеристику мифологических персонификаций смерти, представленных для анализа.

¹ Невелева, С. Л. Вопросы поэтики древнеиндийского эпоса: эпитет и сравнение / С. Л. Невелева. – М., 1979. – С. 11–12.

Яма

В контексте натураческой теории интерпретации мифа¹ Яма считался сыном Вивасвата – древнего бога восходящего солнца. Сам же Яма считался олицетворением заходящего или умирающего солнца, путь которого символизирует человеческую жизнь².

Власть Ямы – это власть времени, Яма разрушает мир временем и одновременно уничтожает время вечностью. В «Махабхарате» очень интенсивно происходит сближение понятий смерти и времени, это можно увидеть на примере слов Кришны – героя «Бхагавад-гиты», который сам себя называет временем, уничтожающим мир³.

Яма в эпических текстах становится частичной персонификацией закона Дхармы – возможно, это является следствием сближения его функций с функциями бога Варуны, который также в свое время являлся богом – вершителем правосудия

Праджапати

В ведийской мифологии Праджапати является одним из божеств-демиургов творцов мироздания, производящих все существующее на земле.

В тексте «Шатапатха-брахманы» представлены два образа Праджапати как персонифицированной смерти, все они вписаны в структуру и смысловую среду вышеизложенного мифа: Праджапати – это смерть, являющаяся и творящим голодом, и солнечным пурушей, и годом одновременно, причем все эти три мифологических образа в равной степени относятся и к Праджапати, и к олицетворенной смерти, которая в данном случае стремится вырваться из условных границ образа самого Праджапати, несмотря на то, что всецело растворяется в нем.

Ниррити

Ниррити – древняя богиня гибели и разложения. Надо отметить, что Ниррити – одна из наиболее малоизученных богинь, встречающихся в текстах «Ригведы» и «Атхарваведы». В образе богини Ниррити доминируют аспекты, связанные со временем (время жизни человека определяется силой затягивания петли Ниррити), с законом (этимологические ассоциации с нарушением риты, отождествление с иррациональным лоном небытия), нечистотой (описания

¹ Здесь идет речь об идее М. Мюллера.

² Дандекар, Р. Н. Ведийский Яма / Р. Н. Дандекар // От вед к индуизму: эволюционирующая мифология. – М., 2002. – С. 87.

³ Бхагавад-гита. XI. 33 / пер. с санскр. Б. Л. Смирнова. – Ашхабад, 1959.

Ниррити указывают на наличие ритуально нечистых элементов в ее облике), inferнальной локализацией (богиня отождествляется с бездной, границами и перекрестками, южной частью алтаря во время проведения обряда агничаяны).

Ушас

Ушас – богиня зари, занимающая одно из главных мест в древнеиндийском пантеоне Вед.

В. Д. О'Флаэрти в монографии «Женщины, андрогини и другие мифические существа» (1978) пишет о том, что бессмертие Ушас основано на вампирическом поглощении жизненных сил стареющих поколений¹. То есть бессмертие богини, поддерживаемое таким образом, напрямую зависит от рождающихся людей. Таким образом, если бессмертие Ушас, требующее постоянного насыщения, не является стабильным, можно сделать вывод, что богиня потенциально мертва, а убивает временем и старостью для того, чтобы отдалить собственную гибель. По мнению Г. Гринсволда, ритм движения зари напоминает последовательную череду жизни и смерти, то есть Ушас циклично умирает и обретает новое рождение. Таким образом, бессмертие Ушас – это последовательное чередование смерти и возрождения, древнего прототипа идей сансары и переселения душ.

Мритью

В «Мокшадхарме» – двенадцатой книге «Махабхараты» Мритью это прекрасная девушка, рожденная из огня гнева Праджапати, желающего очистить переполненную землю от людей. Отказавшись исполнить волю Праджапати, Мритью занимается аскетическими практиками, протестуя против свадхармы. Мритью борется против своего предназначения, отступая от вполне целесообразного и рационального замысла Брахмы – установить гармонию и равновесие на земле.

Мритью в контексте «Махабхараты» – это достаточно противоречивый образ, внутри которого заложен конфликт между человеческим восприятием феномена смерти и ее неотвратимой сущностью, имеющей силу всеобщего закона. В «Мокшадхарме» Мритью присущ глубокий психологизм и сопереживание каждому человеку, перед которым она является как проекция его самого: «Мужчинам ты (предстанешь) в своем образе мужчины, женщинам – в образе женщины, а средним – бесполой»².

¹ O'Flaherty, W. D. Women, Androgynes and Other Mythical Beasts. The university of Chicago Press / W. D. O'Flaherty. – 1980. – P. 136.

² Махабхарата. 12. 259. 31; пер. с санскр. Б. Л. Смирнова.

При работе с мифологическими персонификациями смерти мы рассматривали каждое божество, исходя из трех условно заданных параметров:

1. Поиск и характеристика аспектов и атрибутов, транслирующих религиозные представления, отображающие восприятие опыта смерти;

2. Определение типов взаимодействий божеств между собой;

3. Наблюдение за процессом персонификации (олицетворения) феномена смерти и изменением его роли и концентрации в содержании образа конкретного мифологического персонажа.

«Трехмерное» изучение персонификаций дало возможность нам сформировать общее поле танатологических аспектов и атрибутов, позволяющих увидеть, какие из них являются общими для всех божеств смерти, и какие определяют танатологический статус каждого конкретного божества. Полученные данные мы представили в виде таблицы 1 с помощью которой можно сделать некоторые выводы:

1. Аспект времени и солярности является самым распространенным элементом для мифологических образов практически всех дотантрических персонификаций смерти. Значимость и роль данного аспекта подчеркивает наличие в образах божеств общих и уникальных атрибутов, отражающих его содержание.

2. На примере аспекта соблюдения и несоблюдения закона (дхармы – риты), можно увидеть, что иногда персонификации смерти могут вообще не иметь атрибутики, раскрывающей значение аспекта как религиозно-философской идеи либо ассоциации. Также необходимо отметить, что именно атрибуты обеспечивают уникальные особенности каждого божества, конструирующего свой неповторимый образ в процессе персонификации.

3. Структурный анализ показал, что среди дотантрических богов смерти наибольшим танатологическим аспектно-атрибутивным содержанием среди мужской линии персонификаций обладает Яма, среди женской – Ниррити.

Далее мы рассмотрим причины кризиса персонификаций смерти в контексте индуистской мифологии:

1. Одной из наиболее важных причин второстепенной роли божеств смерти в составе ведийского пантеона является проблема их отождествления с опытом смерти как опытом нечистоты.

Универсальное и уникальное аспектно-атрибутивное содержание дотантрических персонификаций смерти

Аспект	Универсальность		Идентичность	
	Персонификации, для которых, данный аспект является универсальным	Универсальные атрибуты	Персонификации, для которых, данный аспект обеспечивает уникальную танатологическую идентичность	Уникальные атрибуты
Время, солярность	Яма, Ниррити, Праджapati, Ушас	1) сияние солнечная символика. 2) пути и петля (только Яма и Ниррити)	Ушас	игра в кости
			Яма	калека времени, колодки для ног
			Праджapati	голод
Соблюдение или несоблюдение закона (дхармы, риты)	Ниррити, Мритью, Яма, Ушас, Праджapati	–	Ушас	танец
Наличие опыта смерти: (участие в жертвоприношении, самоубийство)	Яма, Ушас	–	Яма	жест, аркан,
			Мритью	–
			Ниррити	иррациональность лона небытия
			Яма	получение первого опыта смерти
			Ушас	циклическое умирание

На ассоциативном уровне смерть делает объекты и субъекты запрещенными для контакта с ними. Однако в случае с персонификациями смерти, необходимо отметить, что есть два вида нечистоты. Нечистота первого вида наступает сразу после свершения факта смерти. Такой тип загрязнения преодолевается соответствующим ритуалом очищения и тем самым вполне легально, с точки зрения ортодоксальной индуистской традиции, идентифицируется как элемент, неотъемлемо связанный с мифологической персонификацией смерти как естественного феномена. Но есть и другой вид

нечистоты, который со временем стал косвенно отождествляться с Ямой, Ушас, Праджapati и Ниррити, – это причастность к инцесту. Для этических принципов брахманизма инцест, как явное проявление зла адхармического масштаба, является обстоятельством, навсегда изменяющим роль божества, которое становится более зловещим (как это происходит с Ямой) либо совсем исчезает из мифологических сюжетов (Праджapati, Ушас, Ниррити).

2. Природа индуистских божеств смерти – это сам феномен смерти, который, сохраняя свое абстрактное содержание, присваивает себе смежные идеи (аспекты), символы, антропоморфные качества и характеристики (атрибуты). Когда данный феномен набирает необходимое количество дефиниций, он либо останавливается в своем развитии, соблюдая правильный баланс своей структуры и раскрывая его в разных мифологических сюжетах, либо теряет свое первичное абстрактное содержание и уже не может являться в полной мере божеством смерти. Подобный процесс мы назвали преодолением границы персонифицируемости, на примере Мритью мы видели пример реализации проблемы такого рода.

3. Инцест, единомысленное сотрудничество и иерархическое подчинение – это три возможных типа взаимодействия индуистских персонификаций смерти. Каждый тип коммуникации провоцирует активизацию процессов аспектно-атрибутивного слияния данных божеств, что становится поводом к их медленному растворению и исчезновению из мифологических повествований. Инцест подчеркивает связь с аспектами нечистоты и нарушения либо соблюдения Дхармы, единомысленное сотрудничество позволяет обнаружить единство всех танатологических аспектов внутри персонификаций смерти, а иерархическое подчинение – выделить их уникальные и несводимые к абстрактному содержанию персонифицируемого понятия, черты.

4. Все персонификации смерти могут осуществлять свои танатологические функции только в дозволенных рамках дхармы. Ни одно дотантрическое божество не преодолевает смерть саму по себе. Напротив, все эти персонажи просто исполняют свое предназначение в рамках закона мироздания. Образ Ниррити, отождествляемый с небытием, является пассивным воспроизведением иррациональности феномена смерти, в котором сама пассивность связана с принадлежностью данной богини к ведийскому пантеону богов, соблюдающего гармонические принципы дхармы.

Культ индуистских персонификаций смерти имел арийское происхождение и существовал в рамках ведийского религиозного миро-

воззрения. В средневековый период кризис брахманизма и традиционного пантеона богов отразился и на данных божествах, теряющих свое былое значение в связи с тем, что вокруг них так и не был сформирован стабильно-широкий круг преданных последователей.

ПОВСЕДНЕВНАЯ ПРАКТИКА ЦЕРКВИ КАК АРГУМЕНТ В СПОРЕ О ПОЧИТАНИИ ИКОН

О. Н. Изотова
Москва, Россия

Христианская проповедь прозвучала в пределах Римской Империи, а значит в мире полном произведений изобразительного искусства. Роспись покрывала не только стены языческих храмов, но и частных домов состоятельных римлян¹. Данные археологии сообщают нам, что таким же образом могли быть декорированы и стены синагоги, несмотря на гораздо более осторожное отношение ветхозаветной религии Израиля к культовым изображениям по сравнению с прочими верованиями той эпохи². Религиозные изображения и изображения в повседневной жизни были привычны в повседневной практике большинства жителей Империи. Не должны были составлять исключения и умножавшиеся в этой Империи новообращенные христиане, как из язычников, так и из иудеев. «Если в античном доме мы встречаем роскошную декорацию стен, потолков и полов, то можно ли думать, что в христианском доме эта декорация вдруг исчезла сразу?»³ – писал на рубеже XIX–XX вв. один из исследователей раннехристианского искусства, Д. В. Айналов.

К подобному же выводу пришел и много столетий назад первый церковный историк Евсевий Кесарийский. «Я ведь рассказывал, – пишет он, – что сохранились изображения Павла, Петра и Самого Христа, написанные красками на досках. Естественно,

¹ Пример этому – росписи в погибших Помпеях. См.: Шаму Ф. Эллинистическая цивилизация. – М.; Екатеринбург, 2008. – С. 455.

² *Сусленков, В. Е.* Дура-Европос / В. Е. Сусленков // Православная Энциклопедия. – Т. 16. – С. 345.

³ *Айналов, Д. В.* Эллинистические основы византийского искусства / Д. В. Айналов. – СПб., 1900. – С. 130.